

СВЯТЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАРАДИГМЕ ЭСХАТОЛОГИИ: XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена изучению места и содержания предваряющих Страшный суд эсхатологических событий в народной культуре русских в XIX – начале XX в. Информационной базой являются канонические сюжеты из Евангелия, духовные стихи и записи народных представлений этнографического характера. В фокусе исследования не столько конкретные события начинающегося апокалипсиса, сколько актуализированные в них категории нравственно-религиозного мира православных. Показана корреляция эсхатологических сюжетов с религиозно-этическими представлениями народа в целом. В частности, обращается внимание на то, как в эсхатологии реализуются такие святы для народа константы, как *земля, правда, чистота, святость*, а также соучастие Богородицы в эсхатологических акциях. На основании источников разной этиологии показано, что концентрация указанных выше категорий в эсхатологической парадигме является закономерным следствием религиозного мировоззрения русских.

Ключевые слова: эсхатология, духовные стихи, земля, правда, чистота, культура.

Ссылка при цитировании: Листова Т. А. Святы константы русской культуры в парадигме эсхатологии: XIX – первая половина XX века // Традиции и современность. 2025. № 41. С. 101–114

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Листова Татьяна Александровна (Listova Tatjana Alexandrovna) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: listova.ta@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 41. С. 101–114

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 393.05; ББК – 86.372.24-54; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-41/101-114>

Идея возможности/неизбежности конца света, апокалиптических разрушений земли и всего на ней сущего все очевиднее присутствует в сознании современного российского общества, хотя эти картины будущего далеки от канонического учения Церкви. Их специфика – это неизбежный результат противоречивости и неоформленности мировоззрения современных людей, который представляет собой итог напластования (сплав) советского атеизма, требующего воспринимать мир с позиций материализма, и возвращенного чувства принадлежности к религии своих предков, что побуждает принять в разной степени идеологическую доктрину христианства. Отметим, что активное катехизаторское просвещение, каковое является одной из основных задач Церкви, затрудняют два объективных обстоятельства: одно – отсутствие массового интереса к познанию христианских истин и второе – неготовность воспринять некоторые несоответствующие современному самосознанию канонические положения, а также склонность воспринимать эсхатологические христианские перспективы всего лишь как православную мифологию. О сложностях такого рода говорят и богословы, и священники на приходах. О кормление и катехизация мирян требуют сейчас от Церкви новых методологических подходов, соразмеряющих способность и желание принять как истину некоторые положения христианства. К таковым относятся неизбежное воздаяние за личные грехи в посмертный период, а также события эсхатологического характера, охватывающие все пространство бытия человека перед вторым пришествием Христа и Страшным судом.

Посмертное существование по-прежнему остается наиболее актуальной темой для большинства считающих себя православными, трепет и страх вызывает неизбежность смерти и у материалистов. Вряд ли когда-либо эта мистически окрашенная реальность уйдет в зону равнодушия. Считающие себя православными принимают учение Церкви о том, что с физической смертью не кончается бытие человека. Но из их видения посмертного бытия постепенно уходят образные картины предназначенных мучений – раскаленных сковородок, котлов и прочих физических наказаний, созвучных религиозности прошлого. Новая категория православных, даже из среды сугубо воцерковленных лиц, не хочет и не может воспринять истязание тела как одно из основных положений веры, а Церковь не считает эти меры, учитывая современное сознание и уровень религиозности населения, эффективными и соответствующими задаче духовного окормления мирян, возвышения их сознания к пониманию и восприятию христианских истин. Размышления о собственной смерти и загробной участи, характер-

ные больше для традиционной культуры, имели и имеют своим логичным продолжением мысли о будущности существующего мира, о декларируемой Церковью идее конца его существования. Однако концепция Страшного суда и конца света как этапа, завершающего существование земного мира в соответствии с учением Христа, с его насыщенностью апокалиптическими сюжетами и противоборством святости с Антихристом, не входит в число тем, востребованных современным общественным сознанием, что отличает религиозность XXI в. от мира традиционных представлений прошлого. Остается впечатление, что разум людей технического века не готов визуализировать столь отдаленные от реальности события, а равно смириться с преобразованием места своего обитания в нечто нематериальное, что не противоречит постоянным и закономерным страхам о судьбе земли, обусловленным прежде всего непродуманной деятельностью ее насельников. В массовом сознании современных людей тема будущего не имеет какой-либо образно-мифологической разработки, что было характерно для общества с религиозным мышлением, сохранявшим свое идеологическое значение еще в первой половине XX в.

Традиционная культура, в пространстве которой русское общество существовало еще в XIX в., формировала и транслировала по поколениям особый тип религиозного мироощущения, наполненный христианской идеологией, ее светом, но и ее эсхатологическими страхами. Картины будущего, озвученные в Апокалипсисе, оказались полностью созвучны народной религиозности, усвоившей одну из основных констант вероучения: человечество склонно к греху по своей сущности и потому чувство греховности и закономерности наказания должно постоянно присутствовать в жизненных рефлексиях, что стало одной из характеристик русской ментальности. Сюжеты о страшной расплате несли не только информацию, но и передавали слушателям эмоциональную напряженность, сопутствующую ощущению величия и неотвратимости апокалиптического будущего, о котором повествовали религиозные тексты разной этиологии.

Но в настоящей статье меня будет интересовать не конечный этап существования земной ойкумены, вершиной чего будет явление Христа и Страшный суд, а его преддверие, протяженный во времени эсхатологический период. В народных представлениях, воспитанных духовными стихами, этот этап являет собой концентрацию борьбы добра и зла с красочными картинами коварства Антихриста и слабости людей. Эсхатологическую тему можно отнести к наиболее активно анализируемым в богословской литературе, показывающей неоднознач-

ность толкований как отдельных положений, так и в целом концепции апокалипсиса. Для более подробного знакомства с историей эсхатологических концепций в различных культурах и трансформации христианского учения о грядущей эсхатологии в современных суждениях в среде русских разного уровня религиозности можно обратиться к обобщающему труду И. А. Бессонова «Русская народная эсхатология. История и современность».

Информационное поле для анализа изучаемой темы структурировалось так, как происходила трансляция эсхатологических сюжетов по нисходящей линии: канонические тексты, духовные стихи и затем народные интерпретации полученных сведений, что дало возможность увидеть как прямые заимствования, так и трансформации сюжетов. Этнографический материал, касающийся народных представлений, взят из фондов Этнографического бюро В. Н. Тенишева (АРЭМ. Ф. 7), а также таких исследований народной религиозности, как «Народная Библия: восточнославянские этиологические легенды» О. В. Беловой; статья Д. В. Громова «Образ “Эсхатологического нашествия” в восточнославянских поверьях в древности и современности»; сборники духовных стихов П. А. Бессонова, В. Г. Варенцова, вышедшая в 1991 г. антология «Стихи духовные» и, конечно, «Голубиная книга». Будут использованы и полевые материалы автора.

В фокусе настоящего исследования не столько конкретные события начинающегося апокалипсиса, сколько актуализированные в них категории нравственно-религиозного мира православных, играющие ключевую роль в рефлексии на ожидаемые события, в частности оценке итогов трансформации привычного мира. Изучение духовных стихов позволило крупнейшему знатоку народной религиозной культуры русских Г. П. Федотову, чей труд по духовным стихам стал классикой, сделать вывод о том, что в концепции эсхатологии лежит ключ ко всякой религии и обнажается ее сокровенный нерв (Федотов 1991: 105). Взяв за основу его аналитические рассуждения, я подойду к проблеме с этнологической точки зрения и оптику исследования направлю на рассмотрение корреляции эсхатологических сюжетов с религиозно-этическими представлениями народа в целом. В частности, обращу внимание на то, как в эсхатологии, в частности в духовных стихах соответствующей направленности, реализуются такие святы для народа константы, как *земля, правда, чистота, святость*, а также особая роль пресвятой Богородицы.

Основываясь на текстах записей народных представлений, привлекая материалы духовных стихов как катехизического и нравственно-эмоционального инструмента воспитания и просвещения православ-

ных, отражающих одновременно народное осмысление событий, а также канонических источников, попробую более подробно и развернуто показать, что концентрация указанных выше категорий в эсхатологической парадигме соответствовала константным положениям традиционной культуры русских и религиозным представлениям народа в целом.

Земля. Что же больше всего потрясает русского человека в апокалиптических картинах, свидетельствующих о наступлении конца мира? Напомню, что эсхатологическая идея была популярна и вошла в религиозность в основном в среде простого народа, все обеспечение которого давало земледелие. Поэтому совершенно логичным кажется тот факт, что в центр событий и переживаний, в центр эмоционального осмысления происходящего помещена земля – как место обитания, как кормилица и основа устойчивости бытия. О святости земли в представлениях земледельца, позволяющей соотносить ее с главной покровительницей людей – Богородицей, писали все исследователи крестьянского быта. Г. П. Федотов на основе духовных стихов включил ее в триаду трех матерей (святая мать Богородица, мать – та, что родила, и мать земля), хранительниц родового закона (Федотов 1991: 78). На этой триаде держатся воспроизводство и существование людей. Позволю себе отчасти согласиться с В. В. Мильковым, характеризующим статус земли в русской народной культуре следующим образом: «Культ Земли как архаический пережиток культа природы в силу земледельческого характера традиционной культуры сохранился в более цельном виде, нежели культовое почитание иных сфер природного мира. Память о сакральных качествах Матери-Земли донесли до нашего времени многие данные фольклора и этнографии. Фольклор отразил представления о Земле как чистой и божественной стихии», и далее «земле как божеству приписывали способности прощать грехи» (Мильков: 129–131).

Нет сомнения в том, что почитание земли было свойственно земледельцам и в дохристианскую эпоху. Однако, если говорить о ситуации в период от позднего Средневековья до XIX в., сведения о которой дают различные источники, то сложно согласиться с тем, что в народной религиозной культуре этого периода она была наделена статусом божества, что приравнивало бы ее к персонажам языческого пантеона. С укреплением христианства сакрализация земли сохранилась, но она обрела уже иное звучание. В представлениях народа земля и до настоящего времени имеет статус святости, тем более это касается предшествующих веков, но она воспринималась уже не как божество, а как особая христианизированная святая сущность, вписанная в общую систему христианской космографии.

Остановимся несколько подробнее на характеристиках земли в народной культуре. Следует обратить внимание на то, что ни в духовных стихах, ни в народных представлениях о земле (в контексте эсхатологии) в качестве почитаемого субъекта/объекта она не имеет каких-либо географических привязок. В этом отношении нам кажется вполне правомерным сопоставление ее с понятием Святая Русь. Г. П. Федотов, а затем и крупнейший специалист по христианской культуре С. С. Аверинцев на основе фольклорных и письменных источников показали, что понятие Святая Русь в религиозном пространстве русских не имело и не могло иметь какой-либо географической или политической привязки, поскольку в культуре средневековой Руси под данной номинацией имелся в виду феномен иной божественно-космической природы. С точки зрения Г. П. Федотова, понятие «Святая Русь» для автора духовных стихов включает весь христианский мир: «русь для певца имеет не только национальное, но и вселенское значение... Национальное имя народа сливается для певца с пределами христианского мира и, следовательно, с пределами Церкви» (Федотов 1991: 95). Еще более определенно сакральный статус Святой Руси артикулировал С. С. Аверинцев. Из приведенных им примеров становится очевидным, что в контексте определения святого мира православия номинации Русь как политический термин и земля как материальная сущность выступают как идентичные. За термином Святая Русь, пишет Аверинцев, «стоит отнюдь не, выражаясь по-нынешнему, национальная идея, не географическое и не этническое понятие. Святая Русь – категория едва ли не космическая. По крайней мере, в ее пределы (или в ее беспредельность) вмещается и ветхозаветный Эдем и евангельская Палестина. Выразительные примеры собраны еще Г. Федотовым в его исследовании о русском духовном фольклоре: Прекрасное солнце в раю осветило Святую Русскую землю... Ходила Дева по Святой Руси, Искала Сына своего...» (Аверинцев 2005). И именно в таком качестве – не имеющей пределов святой субстанцией – предстает земля в апокалиптических картинах наступления конца света.

Близость земли к святому миру для земледельца безусловна, вся относящаяся к ней лексика духовных стихов воспитывала высокое чувство признания ее сакрально-космического статуса, что перешло в фольклор и разговорно-описательные формы. Мне встретилось лишь одно сообщение с сюжетом проклятия земли. В одном из мифологических сюжетов из Брянской обл. рассказчица так определила время свершившегося события: «Было это давным-давно, когда земля еще не была проклята и по ей ходил Бог» (Легенды 2012: 86). Напомню, что сюжет проклятия

земли присутствует в Ветхом завете, но не имеет какой-либо рецепции в Евангелии. Не соответствует данное положение и всей системе русской религиозности, помещающей землю в пространство безусловной святости. Проклятие земли никоим образом не может коррелировать с ее статусом кормилицы в православной земледельческой культуре. Встретившееся представление о проклятии земли в современном фольклоре требует дополнительного анализа всего круга представлений о сохранении/отсутствии святости в мире в наши дни и является, возможно, следствием негативных настроений в целом.

Земля в восприятии русских не только питательница людей. Этнографическая наука собрала обширный свод представлений о ее далеких от прагматики коммуникациях с человечеством, выявляя специфику отношения земледельца к кормящей его материальной субстанции. Отметим, что каноническое описание эсхатологических процессов демонстрирует отсутствие интереса к земле, как сущности, обладающей не только материальной значимостью, но и сакрализованной антропоморфизацией. Но этот аспект постоянно присутствует в сознании тесно связанного с ней земледельца, что очевидно и в духовных стихах, и в народных поверьях. Приведу только некоторые из них. Земля чувствует боль и наносимые ей обиды, за что православный земледелец просит у нее прощения: «На тебя, моя питома, / я нечисто хаживала, Слюной своей плюывала / – Прости, питома, грешную! Аминь. / Не цветы на тебя сажала, а сохой пытала, / Прости, питома, грешную! Аминь. Не гребнем тебя чесала – бороной скребла» (Стихи 1991: 171). У земли есть именины – Духов день, ей нужен покой, потому до Благовещенья обычай запрещает ее трогать; нельзя после Покрова трогать могилы на кладбище: засыпает земля и вместе с ней упокоившиеся в ней умершие.

Земля в представлениях русских являет собой мерило чистоты и благочестия. Она, как часть Божьего устройства, «создана Духом Божьим» и потому отторгает от себя мертвецов, согрешивших против Бога: «Не всякие трупы, будучи погребены в земле, предаются тлению. Нетленные – колдуны, ведьмы, самоубийцы, проклятые родителями. Их “земля не берет”» (Завойко 1914: 86; Листова 2018: 283–284). Точнее, она не дает им после захоронения стать одной с ней природы, ее частью, соответственно, и душа отторгнутых землей покойников остается привязанной к не превратившемуся в прах телу и скитается по земле. Конкретные примеры о функционировании данного поверья, определявшего специфику похорон «нечистых» покойников, и устойчивость страхов перед «ходячими» покойниками из средневековой Руси дошли и до недавнего

времени. В то же время земля в силу той же святости обладает мощным корпусом возможностей благотворного влияния на людей, их защиты и оказания помощи. Варианты ее соучастия в жизни людей разнообразны, она задействована как посредник в спорах, ей исповедывались перед смертью, просили прощения и помощи при болезнях (Крюкова 2018: 327; Смирнов 2004: 429–473; Толстой 1988: 132–139; Соболев 1914).

В приведенных ситуациях речь идет о земле, как не имеющей границ сакрализованной материальной части Божьего устройства. Это не исключает того, что огромный пласт народных представлений связан с понятием «родная земля», причем номинация «родная» может иметь разный диапазон распространения: от расширенного в пределах своей страны до территории своего селения или личного участка. Своей земле приписывали особые охранительные функции: «Родная земля считается целебной, и кроме того, что она служит талисманом, охраняющим на чужой стороне от несчастных случаев» (АРЭМ. Д. 181. Л. 31. Грязовецкий у.). До настоящего времени в сельской местности своя земля может быть использована в защитной практике: «А землю с участка повесить в коридор совсем хорошо, негатив забирает» (ПМА: с. Копаное Ольховатского р-на Воронежской обл., 2018). Причем я бы не рассматривала данный вариант религиозной практики как отход от христианства в языческие предрассудки: ведь речь идет о материальной сущности, имеющей в народной религиозности статус святости. Широко распространенное обыкновение брать с собой родную землю в дальние отлучки имело и еще одно, крайне важное для верующего крестьянина, являвшегося членом определенного социума, значение: она захоранивалась вместе с умершим на чужбине человеком, символически связывая его с лежащими на сельском погосте предками, и одновременно служила ему защитой в сложном пути перехода в иной мир: «Есть обычай брать с собой кусочек родной земли, который завязывается в тряпочку, когда отправляются в дальний путь. Делается это для того, что если, в случае придется умереть на чужбине, то чтобы была с собой родная земля» (Русские крестьяне 2009. Череповецкий у.: 487). «Отправляясь в дальнюю сторону, откуда, может быть, не вернется, в ладанки – кусок родной земли. В случае смерти просят положить в гроб» (АРЭМ. Д. 1671. Л. 15 об. Смоленский у.). «Свою» землю давали призывникам и в советское время, причем даже на колхозных проводах, не ушел этот обычай и в наши дни. Кроме значения оберега такой земле приписывают свойство притяжения к своей малой родине: «Давали с собой племяннику (в армию. – Т. Л.) “живые помощи”, крестик. Землю брал и иконку. Икон-

ку – путевая – тройничок. А землю из своего двора, чтобы обратно вернуться. Всё у него было в кармане, всё сохранил» (ПМА: Сасовский р-н Рязанской обл., с. Тимгенево, 2002).

Как одна из трех матерей, земля обладает даром благословения, этот сюжет фигурирует в духовных стихах и в народных представлениях. Приведу причеты невесты, в которых она просит благословения одновременно у родителей и у матери-земли, сберегающей прах ее предков: «Ты мой сударь, сударь солнышко батюшка, / Закликни в дом старого и малого, / Мне поцудось, поблазнилось, у ворот колотитца. / У вортец колотитце, все во двор набиваютце / Моей родней называтце. / Идут да из сырой земли мои цесны родители, / Несут мне родители великое благословение / И не видимо приходи-то и не видно принося-то / Мне великое благословенье. / Мне дати, сыра земля, великое благословение (кланяется в землю) / ныне дайте мне в очи видети, мне ка солнышка батюшка» (АРЭМ. Д. 316. Л. 42. Сольвычегодский у.) В данном сообщении интерес представляет образное сопряжение земли и умерших родителей, это дает основание полагать, что для говорящей превратившиеся в прах тела родителей воспринимаются как часть земли.

В духовных стихах единая земля предстает в двух ипостасях. Первая – плодородная почва, дающая земледельцу пропитание, основа жизнеобеспечения земледельца, образно охарактеризованная Федотовым: «это прежде всего черное, рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет “мать-земля сырая”». И в то же время это святая материя, чему соответствует ее внешнее убранство, которое, по словам того же автора, «сообщает ее рождающей глубине одяние софийной красоты» (Федотов 1991: 71). Казалось бы, перед нами полная гармония мирового устройства, но именно земля оказывается в эпицентре эсхатологической трагедии, более того, события начинают разворачиваться по ее просьбе. О чем же просит земля, почему не считает возможным больше существовать в гармонии с человеком, почему хочет нарушить установленный Богом симбиоз земледельца и его кормилицы? И земля поясняет – за грехи людей. И вот здесь духовные стихи показывают разное понимание человеком и землей природы и содержания той греховности, которая вынуждает землю просить о наказании людей.

Духовные стихи полны обращенными к земле покаянными просьбами людей о прощении. В чем же они видят свою вину? Прежде всего в немиловости с ней обращении в процессе труда. Тексты с подобными сюжетами уже не несут привычный для духовных стихов дидактический смысл, в данном случае их можно рассматривать как фиксацию пред-

ставлений работающих на земле крестьян. «Еще раз, моя питомая, / Прикоснусь к тебе головушкой, / Испрошу у тебя благословеньца, / Благословеньца со прощеньцем, / – Что рвала я твою грудушку / Сохой острою, расплывчатой, / Что не катом тебя укатывала, / Не уязвимым гребнем чесывала, / – Рвала грудушку боронушкой тяжелою / Со железным зубьем да ржавые. / Прости, матушка питомая, / Прости грешную, кормилушка, / Ради Спас-Христа, Честной Матери, / Все святые Богородицы» (Стихи 1991: 173). В данном случае актуализируется антропоморфизация земли, ее способность чувствовать боль. Вместе с тем нужно учитывать, что крестьянской ментальности был свойственен и выработанный многолетней практикой прагматизм, понимание того, что бездумное использование плодородных сил земли могло привести к ее истощению. И вполне логично, что в соответствии с фольклорной традицией земледелец каялся в своей вине «надругательства» над своей кормилицей в жанре причета. Таким образом, при всем признании святости матери-земли, свою греховность человек видит прежде всего в сфере материальности.

Но земля, как часть божественного устройства мира, обвиняет людей не в немилости к ней, а в грехах против Бога, против установленных Им законов благочестия и нравственности. Духовные стихи называют эти грехи, один из них – поругание установленной путем ритуального действия духовной связи, высоко ценимой в народной культуре, причем наибольший, непрощаемый грех земля видит в акции против крестового братства. Как известно, крестовыми братьями в народной религиозной практике становились лица, обменявшиеся крестами. На признание кающегося в трех вариантах осквернения духовной связи человека земля прощает ему все, но не убийство крестового брата. «Ты покай, прости да добра молодца, / – Уж я ездил, доброй молодец, да по чисту полю, / Я убил в чистом поле купца, гостя торгового. / – Уж я в том греху тебя ведь, молодец, да не могу простить, / Не могу простить да не покаяти: / Не купца убил, гостя да не торгового, / Как убил ведь своего брата крестового, / Как порушал ведь да крестно знаменьё» (Стихи 1991: 171).

В канонических источниках отсутствует тема рефлексии земли на грехи человечества, но зато таковая устойчиво присутствует в духовных стихах. Основной мотив стонов земли – грехи людей оскверняют ее принадлежность к божественному мироустройству, она не хочет больше быть им матерью: «Повели мне, Господи, расступитися / И пожрати люди – грешницы, беззаконницы». На просьбу земли Господь откликается страшными угрозами, и в центре реализации их исполнения находится сама страдающая земля: наказывая людей, Бог лишает

землю основного свойства – рождающей силы. И выбор подобного варианта наказания закономерен, поскольку для крестьянского менталитета не может быть ничего страшнее, чем отторжение от него матери-земли, разрыв существующей извечной связи. «Сотворю вам небу медную, Землю железную: / От неба медного росы не воздам, / От земли железной плода не дарю, / Поморю вас голодом на земле. / Кладцы у вас приусохнут, / Истошницы приускудеют, / Не будет на земле травы, / Ни на древе скоры. / Будет земля яко вдова / За ваши великия согрешения, / За ваши великия беззакония» – так артикулирует грозное обещание Бога популярная в народе апокрифическая молитва «Список Ерусалимский» (Стихи 1991: 177).

Но данные свыше угрозы и призывы к покаянию не достигают цели, в результате наказание людей приобретает космический характер, включая в страшные апокалиптические разрушения прежде всего земли и всего на ней находящегося. Начинается горение земли, о котором предупреждало еще Евангелие, устрашающие картины конца земного мира воссоздает Апокалипсис. Эти картины имели особенно устрашающий смысл для русского крестьянина по двум причинам. Во-первых – горела материальная сущность, не подлежащая огню, то есть совершалось чудо с негативной коннотацией, воплощая осуществление гнева Божьего. И второе – для русского крестьянина, жителя деревянной в основном России, пожар и в реальной жизни был равен все уничтожающему катаклизму. Уже сам факт горения должен был наполнять душу крестьянина ужасом. Разные религиозные источники дают некоторые разночтения в описании эсхатологических событий и их последствий, но в любом варианте они являются одним из любимых сюжетов духовных стихов, не давая забыть православному человеку о том, к чему ведет отступление от Божьих заповедей. Из красочных описаний происходящего становится очевидным, что для авторов духовных стихов человек воспринимается как часть окружающего мира. Созданный по образу и подобию Божьему, он должен организовывать и свою жизнь, и жизнь окружающего пространства в соответствии с данными ему Богом установлениями и возможностями. Человек отступил от Бога, и за его грехи рушится земля, рушится все устройство мира.

Апокалипсис дает страшные картины разрушения земной поверхности, трясутся горы, кипят моря: «всякий остров убежал и гор не стало». Описаны странные явления на небе и на земле, пожары, засухи: когда «третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (Апок. 8: 7). Апокалипсис не говорит о горении самой земли, речь идет лишь о гибели нечестивых в серном озере (Апок. 21: 8):

«Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою». Более определенно о горении земли сказано в послании апостола Петра: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (1Петра 3: 10).

Но может ли земля загореться от естественных причин? В Евангелии от Луки Христос говорит: «Огонь пришёл Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12: 49). Но из контекста ясно, что данные слова нужно понимать скорее как констатацию непреложной истины: все происходит по велению Божьему, и в данном случае катаклизм земли – это актуализация желания Христа жестоко наказать людей, уничтожив основу их жизни. Но земля – не горячая субстанция; чтобы ее поджечь, нужны обстоятельства, выходящие за рамки обыденного, профанного. Согласно церковному преданию, перед вторым пришествием Христа на землю придут два божественных лица – пророк Илья и праведник Енох. Они будут свидетелями нечестивых дел Антихриста и защитниками тех, кто сохранил верность Богу. За это они погибнут от рук Антихриста и будут взяты на небо. В духовных стихах результаты эмоциональной битвы сакральных персонажей становятся причиной возгорания земли – на нее падает кровь святых. «Сошлет Господь пророчество, / Илью пророка и Онофрия, / И сойдет на землю бездушный Бог: / бездушный Бог Антихристос: / Он поколет святое пророчество. / От той-то от святой-то крови / Загорится матушка Сыра-земля» (Федотов 1991: 106). Включение в эсхатологическое противостояние вместе с Ильей пророком святого Онофрия, встречающееся в апокрифической литературе, Федотов объясняет лингвистической трансформацией имени: «“Сошлет Господь пророчество / Илью пророка и Онофрия” (Онофрий – Онохрий – Онов заменил собой Еноха)» (Федотов 1991:106).

Данный сюжет, причем также с трансформацией святых персонажей, вошел в народную трактовку причин эсхатологического горения земли. Начало апокалипсиса жители Рязанщины представляли себе так: «На небе два Ильи. Разъезжают. Сильные удары грома – от столкновений их колесниц. Когда придет последнее время или конец мира, тогда эти столкновения будут происходить чаще и несравненно сильнее. И наконец произойдет несколько таких ударов или столкновений, от которых святые пророки прольют свою кровь, и эта кровь вместе с дождем прольется на землю, и от этой святой крови загорится земля на три аршина» (ИЭА. ОЛЕАЭ. Кол. 14. Д. 148. Л. 5). Необычный, не встречающийся в

духовных стихах вариант явления двух одноименных святых появился, скорее всего, как рефлексия на библейское предание о двух святых – возвестителях конца мира. Для народного осмысления ситуации вполне логичным кажется преобразование второго персонажа в почитаемого в народе Илью, в привычном для него образе грозного пророка на колеснице. Понятно и придание крови святых значения той искры, которая зажжет землю. Сакральное значение кровь имеет во всех культурах мира, прежде всего какместилище жизненных сил. В христианстве она присутствует в разных вариантах: это и взывающая к отмщению кровь Авеля, и отданная за жизнь людей кровь Христа, ставшая в символическом выражении основным атрибутом евхаристических акций. В Апокалипсисе нет упоминания о попадании крови как фактора начала горения земли. Однако авторы духовных стихов, заполняя лакуны в изложении ситуации, а вслед за ними народная религиозность дополняют эсхатологический сюжет, усматривая причину устрашающей акции в попадании на землю капель крови святых персонажей.

Еще один вариант зажигания земли, которого нет в канонических источниках, – действие опаляющего зноя – встречается и в духовных стихах, и в народной религиозности. В пространство взбунтовавшегося против людской греховности космоса включено солнце, чей благодатный жар обычно дает жизнь, но, подчиняясь замыслу Божьему, становится орудием казни Господней. В духовном стихе Христос грозит: «Древеса ваши и реки иссушу оком солнечным, Болота возгорятся огнем» (Стихи 1991: 178). Еще более конкретно представляет сам народ результаты включения солнца в эсхатологические акты: «Перед Страшным судом вдруг загорится земля от солнца, которое упадет с неба» (Русские крестьяне 2005. Калужский у.: 271). По-видимому, в данном случае имеет место реминисценция одного из сюжетов Апокалипсиса: «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу» (Апок. 16: 8–9).

Картины будущего катарсиса земли в духовных стихах декларируются не как возможное в будущем действие: красочность и эмоциональность описания эсхатологических акций создают у слушающих ощущение реальности происходящего, что должно было безоговорочно воздействовать на сознание верующих.

Что же все-таки будет представлять собой горение земли? Выше были приведены слова апостола Петра, в которых он констатирует эту эсхато-

логическую акцию как неизбежную реальность, но вопрос: глубоко ли земля будет затронута этим уничтожающим пожаром – остается без ответа. Более апокалиптической выглядит картина горения земли в апокрифических вопросах Иоанна Богослова: «И выметет Господь грех с земли и побелеет земля словно снег. И выжжены огнем будут недра земные» (Апокрифическое Откровение Иоанна Богослова). Основываясь на изучении обширного корпуса духовных стихов, Г. П. Федотов исключает присутствие в народной религиозности идеи кончины всей земли: «Вдумываясь в изображение мировой порчи в стихе о Егории, нельзя не заметить, что она не имеет глубокого характера. Расстройство мира поверхностно: оно захватывает земную кору – горы, леса, реки, – но не самое тело земли» (Федотов 1991: 71).

Посмотрим, как в народной религиозности трансформировались будущие муки страдающей за грехи людей земли. Ни в духовных стихах, ни в записях народной религиозности нам не встретилось идеи глубокого, всеразрушающего воздействия на землю, что подтверждает выводы Федотова. «Ангелы с небес слетят, / Во утробе огня снесут, / Зажгут землю со четырех сторон, / И выгорит земля на тридевять локоть / За наше великое согрешение. / За наше великое беззаконие» (Стихи 1991: 125). Обратим внимание на глубину горения в представлениях жителей Рязанщины: она совпадает с теми параметрами, которые были установлены Петром Первым как норма для захоронения. По мнению местных жителей, когда прольется на землю кровь двух пророков «и от этой святой крови загорится земля на три аршина, и тогда наступит время второго пришествия Иисуса Христа на землю» (ИЭА. ОЛЕАЭ. Кол. 14. Д. 148. Л. 5). Продолжая выводы Федотова, отмечу, что в отличие от канонических источников, прежде всего Апокалипсиса, человек не хочет принять концепцию конца земли. Автор Откровения определенно говорит о новом мироустройстве: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Апок. 21: 1). Но духовные стихи рисуют иную картину. В ответах Господа на жалобы земли нет ни слова о новом мироустройстве, речь идет о ее прекрасном через страдания будущем. «Потерпи еще время моего пришествия страшного! / Тогда ты, земле, возрадуйся, / Убелю тебя снега белей, / Прекрасный рай пророщу на тебе, / Цветы райские пушу по тебе, / Люди мои избранные, веселитесь во веки!» (Варенцов 1860: 194). Однозначно решается вопрос и о месте проведения Страшного суда – именно на земле. «Как придет лет наших кончина, / С небесе праведный суд к намъ сойдетъ, / На земли праведный суд настанет. / Страшный и

животворящий» (Бессонов 1863. Вып. 5. III. Ч. II: 94). Главное событие – Божий суд – также совершится именно на земле с определением места нахождения верховного Судьи: «Велит Господь поставити / Престол его среди земли» (Варенцов 1860: 116).

Правда. Но почему Господь наказание людей осуществляет через разрушительные акции по отношению к земле? Ответ на этот вопрос идентичен во всех источниках религиозного характера и отражает один из наиболее важных аспектов народного менталитета. Мы имеем в виду присутствующую в народных исканиях и идеалах надежду на возможность торжества правды как актуализации Божьих заповедей на земле.

Знаменующее скорый Божий суд пришествие Антихриста создает искаженное пространство, в котором не может быть правды. Здесь царствует кривда, являющая собой ядовитую сущность, разъедающую сознание людей, подпавших под обаяние Антихриста. «А Кривда пошла у нас вся по всей земле, / По всей земле по свет-русской, / По всему народу христианскому. / От Кривды земля восколебалася, / От того народ весь возмущается; / От Кривды стал народ неправильный, / Неправильный стал, злопамятный: / Они друг друга обмануть хотят, / Друг друга поестъ хотят» (Голубиная книга 1991: 42); «А Кривда пойдет она по всёй земли, / По всёй земли, по всёй вселенной, / По тем крестьянам православным, / Вселится на сердца на тайныя; / Кто делает дела тайныя, / От того пойдет великое беззаконие» (Стихи 1991: 37).

Мечта обретения правды как основы коммуникаций и организации жизни на земле – это лейтмотив крестьянских представлений о лучшем мире. Феномен понятия правда – один из наиболее анализируемых и философами, и писателями, причем часто его коррелируют с номинациями истина, реальность. Но для православного человека, судя по духовным стихам и по религиозным суждениям народа, правда и истина не являются понятиями идентичными, поскольку правда – это феномен, который не может быть личным, изменяющимся, это некое свойство того пространства, которое определяет мысли и поведение всех, находящихся в пределах его воздействия. Обращу внимание на корреляцию понятий: правда – и как антипод – беззаконие. Данное соотношение вполне логично, учитывая, что в народном представлении правда – это не только нравственный императив, это в оценке всего происходящего высшая степень легитимности, поскольку соответствует Божьему закону, собственно, это и есть актуализация закона Божьего на земле. Духовные стихи напоминают людям о том, что жить по правде – это один из нормативов данного Богом закона жизни на земле.

«Не велит Господь Бог / Земным в раю жити. / Послал нас Господь Бог / На трудную землю. / Велел нам Господь Бог / Трудрами кормиться, / Велел нам Господь Бог / Хлеб севати / И хлеб воскушати / И правдою жити, / А зла не творити» (Стихи 1991: 49). Таким образом, сама земля, труд на ней становятся актуализацией установленного Богом закона правды жизни.

Но реализуется ли этот закон на земле? Обращусь к словарю В. Даля как источнику, позволяющему составить представление о разных сторонах крестьянского самосознания и об оценке народом присутствия правды в устройстве своего бытия. В пословицах однозначно отражена константная корреляция: правда – это одна из ипостасей проявления закона Божьего на земле: «А кто будет правдой жить, тот причаянный к Господу», «не в силе Бог, а в правде», «поступать прямо, по правде, честно, правдиво и правосудно». Таково понимание феномена «правда» в представлении крестьян, но в реальности, как свидетельствуют другие пословицы, они не видят ее актуализации в настоящем, не рассчитывают на таковое и в последующем. «Правда ходит по миру, Христа ради», «Правда прежде нас померла», «Кто кого перебудет, останется где долее либо переживет. Правда перебудет, да нас тогда не будет!». Но самое страшное, о чем говорится в духовных стихах, это то, что место правды занял ее антипод – кривда, что в контексте совершающейся эсхатологии в сознании народа могло быть тождественно торжеству Антихриста как сублимации неправды. Ни в духовных стихах, ни в народных представлениях нет ни слова о возможности победы над Антихристом и восстановлении правды на земле усилиями самих людей. Речь идет лишь об очищении земли перед явлением Христа по велению свыше: «Перед страшным судом вдруг загорится земля от солнца, и на ней сгорит вся человеческая неправда. После чего ангелы по повелению Божьему прозвучат в трубы и начнется Страшный суд, то есть взвешивание грехов и добрых дел на весах» (Русские крестьяне 2005. Калужский у.: 271).

Но означает ли уничтожение неправды торжество правды на земле? Эсхатологическая концепция Евангелия однозначно говорит о том, что правда несовместима со старым земным космосоустройством. Мир обновится, и только в новом, очищенном мироздании люди будут существовать в царстве правды. «Впрочем, мы, по обетованию его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2Петра 3: 13). Однако народная религиозность признавала возможность правды на земле, о чем говорят хотя бы утопические поиски Беловодья и других территорий царства правды (Чистов 1967). В народной культуре понятие прав-

ды не только соотносилось с представлением о законности: правда входила в сонм святых матерей, присоединяясь к обозначенной Федотовым триаде. Можно вспомнить о стремящемся постоять за «правду-матушку» купце Калашникове или известный фразеологизм «резать правду-матку». Однако в пространстве материнской святости правда занимала особое место. Она не может не существовать, поскольку в ней аккумулируются Божьи законы земного устройства, но при этом она остается скорее труднодостижимым идеалом, чем реальностью.

Чистота земли. Согласно евангельской концепции апокалиптических событий, повторенной в духовных стихах, а равно и в народной религиозной мифологии, эсхатологические события имеют целенаправленную последовательность: они должны подготовить землю к явлению Христа. Страшный суд последует лишь за очищением земли. Но, как было сказано выше, в народной религиозности, в отличие от видения будущего апостолом Петром, речь не идет о создании нового мира, но лишь о полном очищении земли. В характеристиках земли в духовных стихах ее новое обличье, в соответствии с нормами христианской нравственности и народными убеждениями, логично сопоставляется с невинностью девушки. «И выгорит земля на тридевять локоть / За наше великое согрешение. / За наше великое беззаконие. / Будет земля-то аки хартия, / Чистая дева-отроковица, / Нескверная, непорочная... Протечет река огненная / От востока и до запада, / – Пламя происходит от земли до небес. / С небес сойдет сам Иисус Христос / На светоносном облаце, / И сядет Господи на престоле своем / Да и будет живых судить и мертвых»; «Вот вам есть река огненная, / Смола зла-горяча / Будет земля-то аки хартия, / Чистая дева-отроковица, / Нескверная, непорочная. / С небес сойдут святые ангелы» (Стихи 1991: 225, 178). В том же варианте характеристика очищенной от грехов земли присутствует и в народных картинах эсхатологической ситуации: «Когда антихрист войдет в силу, и покорит себе все царства, он заставит всех верных отречься от Бога и покориться ему. Для этого он придумает разные мучения, кто не испугается этих мучений, тех он казнит мучительною смертью. Когда таким образом на земле не останется ни одного праведника, вся земля загорится от грехов человеческих и сгорят на ней все беззакония». После этого явится Михаил Архангел и «три раза спросит: “чиста ли ты, земля?” И земля ответит: “Чиста, как красная девушка под венец”. Тогда земля угаснет и только посередине останется широкая огненная река. И тогда вострубит Михаил, из гробов встанут мертвые и всем Господь даст по делам их» (Русские крестьяне

2005. Жиздринский у.: 140). Высокий статус девства как нравственно-религиозной категории был утвержден в христианстве прославлением Девы Марии, этот постулат входил в церковное учение. Соответствующая христианской концепции святости девичья чистота давала повод приписывать в народной культуре невинным девушкам некоторые свойства особой сакральности. Сообщения на эту тему из разных мест есть в дореволюционных источниках. Например, в Калужской губ. «в старину утром в день жён-мироносиц после ежегодного опаживания, участвующие в этом обряде девушки ходили по дворам и собирали яйца, ломти хлеба и свечки. Свечки – в церковь, а хлеб святтили и возвращали хозяевам. Этот “девичий хлеб на службой” являлся целебным средством, его прибирали для скотины в случае болезни» (*Шереметева* 1929: 221). Сохранение девичьей невинности до брака давало основание народной религиозности приравнивать ее к персонажам святого мира. Например, в свадебном приговоре на севернорусской свадьбе невеста гордилась сохраненной до свадьбы честностью. Она «просит у отца лошадей погулять по Дунай-реке, покрасоваться во честном похвальном девочестве, во ангельском чину – во архангельском, – проститься со славной гладкой горочкой, со хорошей новошаторовой колоколенкой» (*Максимов* 1984: 325; *Листова* 2018: 333–337).

Однако стоит обратить внимание на то, что непорочная дева – не единственный образ, репрезентирующий чистоту земли; реже, но не как исключение, в такой ипостаси предстоит и вдова: «От той-то от святой-то крови / Загорится матушка сыра земля... И выгорят горы со раздольями, / И выгорят леса темные. / И сошлет Господи потопие / И на три дни, на три месяца: / И вымоет матушку сыру землю, / Аки харатью белую, / Аки скорлупу яичную, / Аки девицу непорочную, / Аки вдовицу благочестивую» (Стихи 1991: 233). Данная аналогия может вызвать недоумение, поскольку тот же образ используется в духовных стихах при характеристике насланного на землю опустения и бесплодия (см. выше). Включение вдовы одновременно в доказательство чистоты земли и в ситуацию краха ее рождающей сущности понятно в контексте народной гендерной культуры. В сохраняющихся до сих пор представлениях вдова может обрести статус чистоты после определенного числа лет непорочной жизни, срок безгрешной жизни мог иметь локальные отличия. В то же время эта чистота подразумевает заведомое исключение деторождения, то есть неплодность. Иными словами, лишенная в результате апокалиптических событий рождающей способности земля предстает перед вторым пришествием в чистоте и святости сообразно нормам народной культуры.

Богородица. В каноническом источнике – Евангелии, нет упоминания о соучастии Богородицы в эсхатологических событиях. Но народная религиозность, привыкшая чувствовать повсеместное присутствие святой покровительницы, не могла исключить ее из сонма лиц, по чьей воле решалась судьба человечества. Мы видим ее включенность на всех этапах протяженного во времени апокалипсиса. Она призывает православных жить по законам Божиим и предупреждает о грядущем искушении поклониться Антихристу, но в словах ее еще звучит любовь к людям: «Было добро, да миновалось, / Будет добро, того долго ждать. / И речет Пресвятая Богородица, / Святая жена милосердая: / “Рабы де вы мои христолюбивые! / Поимейте веру христианскую, / И верую, и любовь / Поимейте друг друга и брат брата, / И сын – отца и мать свою! / За вашу веру христианскую / Сошлет Господи пророчество, / Илью пророка и Онофрия / И станут святые пророчити. / И сойдет на землю бездушный бог, / Бездушный бог антихристос, / он исколет святое пророчество. / От той-то от свято-то крови / Загорится матушка сыра”» (Стихи 1991: 233). И это соотношение: «Богородица – земля» – можно считать одним из константных сюжетов духовных стихов. В одном смысловом ряду идут к двум матерям моления о помощи. «Пречудная Царица Богородица! / Услыши молитвы грешных раб своих, / Призри наши слезы горячия, / Не лиши нас царства небесного, / Избави нас от муки превечной! / Земля мать сырая! / Всем, земля, ты нам отец и мать» (Стихи 1991: 223).

Но отказ от истинной веры, греховность поведения людей вызывают гнев Богородицы, и вместо увещаний звучат угрозы страшных наказаний. «Прогоню я вас, проклятых, / За три горы за Сионския, / Там огни горят негасимые; / Пропущу я вас сквозь матушки сырой земли, / Засыплю я вас матушкой-землей, / Закладу я вас камнями горячими, / Завалю я вас плитами железными, / Чтобы крику и зыку от вас не слышати» (Стихи 1991: 237). И в этом случае очевидной становится соподчиненность двух матерей на шкале святой силы: земля становится средством реализации идущих от Богородицы угроз. Могущество Богородицы народная религиозность распространяет вплоть до придания ей функций небесного судьи. Приведу запись информации 1996 г. из с. Бор Каргопольского р-на: «На востоке встанет огненной столб. Пресвятая Богородица будет спускаца, нас судить на землю. А мы будем все, кто мёртвые, всех поставят, и мертвые и живые встанут» (*Белова* 2004: 400). Именно Богородица должна будет сделать последнюю проверку готовности земли к приходу Спасителя, что в воображении народа имеет вид вполне прагматичной акции: «...тогда наступит время второго при-

шествия Иисуса Христа на землю, но он ступит на землю не сразу, а прежде его на землю, очищенную огнем, сойдет Пресвятая Богородица и обойдет ее по всем направлениям, и тогда уже сойдет Господь во славе своей на землю и станет судить людей живых и мертвых» (ИЭА. ОЛЕАЭ. Кол. 14. Д. 148. Л. 5. Рязанский у.). В данном сообщении интерес для нас представляют не только глубокая убежденность народа в повсеместности присутствия Богородицы и ее могуществе, но и своеобразие видения земли перед Страшным судом. Народная религиозность видит свою землю очищенной огнем, и именно по ней ступает с осмотром Богородица, речь не идет о новом космическом мироустройстве.

Небесная Мать поддерживает своего сына в совершении справедливого суда и наказании грешников. Но устойчивый статус спасительницы в народной культуре не позволял православному народу смириться с образом отвернувшейся от людей Богородицы. Вера в ее всемилость породила достаточно устойчивые сюжеты о спасении даже тех, кто уже был отправлен в горящую бездну. В подобных представлениях сказывалась и характерная для русского менталитета «жалость к падшим». Распространенным сюжетом народной мариологии можно считать следующий вариант избавления Богородицей грешных мучеников. «Рассказывают, что Божья Мать имеет большую сеть для того, чтобы этой сетью вытащить из огненной реки грешников. По окончании страшного суда Матерь Божья явится перед сыном своим и будет просить его о помиловании грешников. Господь позволит ей закинуть сеть три раза, и сколько грешников поймут в эту сеть, все будут помилованы. Матерь Божья позовет ангелов, которые три раза закинут сеть в огненную реку и, таким образом, заступлением и молитвами Пресвятой Богородицы спасется несметное число великих грешников» (Русские крестьяне 2005: 140. Жиздринский у.). Кроме того, Богородица просит своего сына пожалеть тех, кто никогда не оскорблял ее матерными словами, на что Христос соглашается лишь после троекратной просьбы. «Матушка Владычица просит: / “О сыне мой, сыне возлюбленный! / Прости эти души грешныя, / Кои сроду матерным словом не бранилися”» (Стихи 1991: 237). Непроизнесение матерных слов как возможность заслужить прощение на Страшном суде демонстрировало высокий статус Богородицы в народной вере, кроме того, имело дидактическое значение в борьбе с распространением мата.

Заключение. В статье были рассмотрены некоторые аспекты христианской эсхатологической концепции, точнее, ее рецепция в народной культуре. Эта задача определила выбор источников: использовались в основном имеющие широкое хождение в

народе духовные стихи и этнографические материалы XIX – первой половины XX в. Из приведенных данных можно сделать следующие выводы:

1. Все народные представления о конце света существовали в религиозном поле и соответствовали евангельской концепции эсхатологического периода и приближающегося Страшного суда. В народной интерпретации канонические сюжеты могли получать своеобразную окраску, но в любом варианте их содержание включало репрезентацию религиозно-этических ценностей народного православия. Эсхатологические представления XIX – начала XX в. свидетельствуют о сохранении религиозной основы народного сознания. Даже в тех случаях, когда причину эсхатологических событий видели в «реальных», земных причинах, ход событий и их исход приписывали вмешательству святых сил в соответствии с традиционной интерпретацией событий. По этому поводу интерес вызывает следующее сообщение, показывающее включение в народную мифологию на рубеже XIX–XX вв. распространяющихся знаний о других государствах, воспринимающихся часто в контексте оппозиции свой–чужой. Наибольший интерес вызывал Китай. Его имидж в народных представлениях варьировал в диапазоне от образа огромной, богатой и враждебной России страны до признания в нем дружественного союзника. Как сообщали в «Донском вестнике», в народе считают, что «в Китае стоит огромная кадушка, в которую бросают по одной швейной иголке в год и когда ее набросают полную, Китай подымется, придет к нам и завоюет нас. Архангел Михаил вступится за нас, от этой борьбы загорится земля и вода, и тогда наступит кончина мира. Грешники будут плавать в огненной реке, а праведники подымутся на облака» (Верования и суеверия 1869). Данный сюжет можно считать реминисценцией апокалиптического сюжета битвы архангела Михаила с драконом, а приписывание Китаю роли Антихриста может быть результатом знаний о том, что дракон является знаковым сакральным персонажем китайской культуры.

2. Насколько ярко и красочно представлен в народной религиозности эсхатологический период, настолько неясным предстает существование человечества и всего мироустройства после Страшного суда. Евангелие дает общую концепцию: праведники пойдут в жизнь вечную, в царство Божье, грешники – в вечные муки. Но что будет представлять собой жизнь в обновленном мире? В духовных стихах и в суждениях народа картины будущего лишены визуальных характеристик, они воспринимаются скорее на эмоциональном уровне, под обобщающим понятием воцарения «светлого рая» для праведных душ или их отправления на небо. Этому сопутствовали и

более рациональные представления. Приняв в целом концепцию космического катаклизма, народное сознание не склонно было рассматривать его как конец земного мира. Православный народ признавал необходимость очищения земли и в том числе всего, что на ней существует, включая грешное человечество. Но будущее по-прежнему виделось связанным с местом своего привычного обитания: пройдя период очистительного катарсиса, земля и весь земной мир смогут начать новый этап существования. Этот этап будет наполнен качественно иным содержанием бытия человека: воцарится правда – как актуализация Божьих установлений, исчезнут обусловленные неправдой скорби. Настанет время праведной жизни на прекрасной земле, которую Бог украсит райскими цветами и призовет живущих на ней: «Люди мои избранные, веселитесь во веки!».

3. Разрушительные эсхатологические картины, связанные с пришествием Антихриста, воздействуя на сознание людей, могли иметь и последствия нерелигиозного характера. В умах людей неизбежно формировалась корреляция: пришествие Антихриста, то есть насильственная кардинальная смена верховного лица на земле, отказ от единственно легитимной, установленной Божьим благословением власти, поведет за собой катаклизм и гибель существующего мира.

4. В упомянутой монографии А. И. Бессонова содержится подборка этнографических данных о представлениях народа в последние десятилетия. В числе основных причин возможного/неизбежного конца света опрошенные информанты указывают чаще всего природные катаклизмы, войны, встречу земли с другими планетами и другие материальные факторы. На основании собранных данных А. И. Бессонов приходит к выводу, что самым характерным признаком последствий апокалиптических событий наши современники считают «обезлюдение». Еще большая бесперспективность содержится, по его выводу, в большинстве современных городских рассказов (Бессонов 2014: 310,

279). По заключению автора, «в отличие от слухов рубежа XIX–XX вв., сейчас представления в большинстве случаев лишены религиозного контекста. По этой причине такие взгляды не характерны для религиозных людей, для которых неприемлемо сведение гибели мира к естественному природному катаклизму» (Бессонов 2014: 274–275). Приведенные Бессоновым данные и сделанный им вывод могут свидетельствовать об изменении характера и содержания массового религиозного сознания современных православных.

5. В статье были рассмотрены рефлексии «простого народа» на эсхатологические события, концом которых будет апокалиптический катаклизм, который приведет к очищению и преображению жизни на земле. В связи с этим интересно раздвинуть рамки исследования и посмотреть на аналитическое видение последствий апокалипсиса поэтом-философом Ф. И. Тютчевым – одним из наиболее образованных и размышляющих, в том числе и о христианской концепции мироздания, людей XIX в.: «Когда пробьет последний час природы, / Состав частей рассыпется земных: / Все зримое опять покроют воды, / И Божий лик отобразится в них». Перед читателем – таинственно-мистическая картина: тишина, гладь воды и полное отсутствие людей. И в этом безмолвии Бог явит себя. Проблему будущего автор решает в абсолютно христианском контексте. Обратим внимание на то, что он допускает возможность зримого явления божественного лика лишь в отображенном варианте – в зеркальной глади вод, что согласуется с концепцией апофатического богословия о незримом и непознаваемом Боге. В народной эсхатологии не возникает проблемы визуального образа Бога, для религиозности народа было достаточно сознания того, что Он есть, Он вездесущ и вечен, а следовательно, есть надежда и на продолжение жизни на преображенной земле. Вследствие этого в системе религиозного устройства мира, в космосе православия верующие выделяли другие приоритеты – зримые проявления Божьей воли.

Источники и материалы

Апокрифическое Откровение Иоанна Богослова – Откровение Иоанна Богослова (апокрифическое) // Сайт «Русская апокрифическая студия». <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/ap-ioann.shtml> (дата обращения: 07.04.2025)

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Фонд В. Н. Тенишева.

Бессонов 1861–1864 – Бессонов П. А. Калики переходящие. Вып. 1–6. М., 1861–1864.

Варенцов 1860 – Варенцов В. Г. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.

Верования и суеверия 1869 – Верования и суеверия из Донского вестника 1869. № 5–6 // Могилевские губерньские ведомости. 1869. № 19. 10 мая.

Голубиная книга 1991 – Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М.: Московский рабочий, 1991.

ИЭА. ОЛЕАЭ – Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Общество любителей есте-

ствознания, антропологии и этнографии.

Легенды 2012 – Легенды, предания, устные рассказы Брянской области. Брянск: Изд-во БГКМ, 2012.

Русские крестьяне 2005 – Русские крестьяне. Т. 3. Калужская губ. СПб., 2005.

Русские крестьяне 2009 – Русские крестьяне. Т. 7. Ч. II. Новгородская губ. СПб., 2009.

Стихи 1991 – Стихи духовные / сост., вст. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Советская Россия, 1991. <https://www.booksite.ru/fulltext/stihi2/text.pdf?ysclid=m41p1iib185669933>

ПМА – Полевые материалы автора

Шереметева 1929 – Шереметева М. Е. Хлеб и обрядовое печенье в бывшем Перемышльском у. Калужской губернии // Известия Государственного Русского Географического Общества. Вып. 2. Л., 1929.

Научная литература

Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/8 (Источник для электронной публикации: Другой Рим: избр. ст. / Сергей Аверинцев; предисл. А. А. Алексеева. СПб.: Амфора: изд. Седова, 2005)

Белова О. В. Народная Библия: восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004.

Бессонов И. А. Русская народная эсхатология. История и современность. М: Гнозис, 2014. <https://djvu.online/file/eHfrPzqzTpeLa?ysclid=m31hyeqxnl303903202>

Громов Д. В. Образ «Эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20–42.

Завойко Г. К. Вера, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 81–178.

Листова Т. А. Грех, земное и небесное наказание в народном понимании // Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред. О. В. Кириченко. М.: Алетейя, 2018.

Крюкова С. С. Обычное право во второй половине XIX – начале XX в. // Границы советского традиционализма / отв. ред. О. В. Кириченко. СПб.: Алетейя, 2018.

Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984.

Мильков В. В. Концепт земля и Русская земля в представлениях домонгольской эпохи. https://iphras.ru/upfile/root/biblio/orientiry/or_8/124-151.pdf?ysclid=m8khu8oihs302659461

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004.

Соболев А. Н. Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи // Труды Владимирской архивной комиссии. Кн. 16. Раздел «Сообщения». Владимир, 1914. С. 1–40. <https://publicadomain.ru/print/pdf/node/751?ysclid=m8khln36by292460390>

Толстой Н. И. Покаяние земле // Русская речь. 1988. № 5. С. 132–139.

Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. М., 1967.

References

Averintsev, S. S. 2005. Vizantiya i Rus': dva tipa dukhovnosti [Byzantium and Rus': Two Types of Spirituality]. In *Drugoi Rim: izbrannye stat'i* [Another Rome: Selected Articles], by Sergei Averintsev. Saint Petersburg.

Belova, O. V. 2004. *Narodnaya Bibliya: vostochnoslavjanskije etiolozicheskie legendy* [The People's Bible: East Slavic Etiological Legends]. Moscow: Indrik.

Bessonov, I. A. 2014. *Russkaja narodnaja eskhatologija. Istorija i sovremennost'* [Russian Folk Eschatology. History and Modernity]. Moscow: Gnozis.

Gromov, D. V. 2004. Obraz «Eskhatologičeskogo nashestviya» v vostochnoslavjanskikh pover'yakh v drevnosti i sovremennosti [The Image of the «Eschatological Invasion» in East Slavic Beliefs in Ancient Times and Modernity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 20–42.

Zavoiko, G. K. 1914. Verovaniya, obryady i obychai velikorossov Vladimirskoi gubernii [Beliefs, Rituals, and Customs of the Great Russians of the Vladimir Province]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3–4: 81–178.

Listova, T. A. 2018. Grekh, zemnoe i nebesnoe nakazanie v narodnom ponimanii [Sin, Earthly and Heavenly Punishment in Popular Understanding]. In *Idealy i palliativy v russkoi traditsii i kul'ture* [Ideals and Palliatives in Russian Tradition and Culture]. Moscow: Aletheia.

Kryukova, S. S. 2018. Obychnoe pravo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Customary Law in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Granitsy sovetskogo traditsionalizma* [The Boundaries of Soviet Traditionalism]. Saint Petersburg: Aletheia.

Maksimov, S. V. 1984. *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangel'sk.

- Smirnov, S. I. 2004. *Drevnerusskii dukhovnik* [Ancient Russian Confessor]. Moscow.
- Sobolev, A. N. 1914. Obryad proshchaniya s zemlei pered ispoved'yu, zagovory i dukhovnye stikhi [The Rite of Farewell to the Land Before Confession, Spells and Spiritual Poems]. In *Trudy Vladimirskoi arkhivnoi komissii* [Works of the Vladimir Archival Commission]. Bk. 16, 1–40. Vladimir.
- Tolstoi, N. I. 1988. Pokayanie zemle [Repentance to the Land]. *Russkaya rech'* 5: 132–139.
- Fedotov, G. P. 1991. *Stikhi dukhovnye (russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [Spiritual Poems (Russian Folk Faith Based on Spiritual Poems)]. Moscow: Progress; Gnozis.
- Chistov, K. V. 1967. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XVIII vekov* [Russian Folk Social-Utopian Legends of the 17th–18th Centuries]. Moscow.

THE HOLY CONSTANTS OF RUSSIAN CULTURE IN THE PARADIGM
OF ESCHATOLOGY: XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the place and content of eschatological events preceding the Last Judgment in Russian folk culture in the 19th – early 20th centuries. The information base is canonical stories from the Gospel, spiritual poems and ethnographic records of folk performances. The focus of the study is not so much the specific events of the beginning of the apocalypse as the categories of the moral and religious world of the Orthodox actualized in them. The correlation of eschatological plots with the religious and ethical ideas of the people as a whole is shown. In particular, attention is drawn to the way in eschatology such constants holy to the people as earth, truth, purity, holiness, as well as the complicity of the Mother of God in eschatological actions are realized. On the basis of sources of different etiology it is shown that the concentration of the above categories in the eschatological paradigm is a natural consequence of the religious worldview of Russians in general.

Keywords: Eschatology, spiritual poems, earth, truth, purity, culture.

Authors Info: Listova, Tatjana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation),
E-mail: listova.ta@mail.ru

For citation: Listova, T. A. 2025. The holy constants of russian culture in the paradigm of eschatology: XIX – first half of the XX century. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 41: 101–114

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

